

М. Гроссман «Чук и Гек»

Уже вечерело, когда раздался продолжительный звонок в прихожей. Я открыл дверь. На пороге стояли мальчишки. Поздоровавшись хором, они прошли в комнату и сейчас же расселись, кто где сумел.

Леночка тотчас же помчалась на кухню — включать электроплитку. Раз они гости — она это твёрдо знала, — значит, должны пить чай.

Старшая дочь немедленно исчезла из квартиры: девочки в шестнадцать лет почему-то презирают мужское общество.

— Так вот, — сказал Пашка Ким, круглый отличник и задира, — мы пришли слушать про голубей.

Я уже знал через специальных вестовых, что мальчишек интересует один из фронтовых эпизодов, о котором я когда-то упомянул в разговоре.

— Ну что ж, — согласился я, — расскажу вам о разведчиках Ване и Жене и о голубях, которых они называли Чук и Гек.

В это время Леночка вошла в комнату с целой грудой блюдец и чашечек и стала расставлять их перед гостями.

Тогда Пашка сказал ей:

— Иди-ка ты, малявка, в куклы играй. Видишь, люди делом заняты.

Леночка пожала плечами, поглядела в потолок и сказала:

— Противные мальчишки.

— Так вот, — начал я, когда в комнате воцарилась тишина, — было это, ребята, в лесах и болотах под Старой Руссой в самый разгар боёв. Уже в июле сорок первого года мы остановили здесь врага и, закрепившись, сами стали переходить в контратаки.

В тылу у противника разворачивали боевые действия наши партизаны. Иногда они перебирались через линию фронта и сообщали командованию Красной Армии о силах и намерениях врага. Однако тогда эта связь была ещё плохо налажена — от случая к случаю. Раций многие отряды не имели.

В середине августа командующий 11-й армией получил сведения, что в районе реки Ловать перейдут линию фронта храбрые партизанские разведчики, братья Костровы.

Редакция поручила мне встретиться с ними и написать очерк в газету.

Я вышел к Ловати с работниками армейской разведки, очень смелыми и неразговорчивыми людьми, которых давно знал. Оба моих спутника несли по чемоданчику, курили одну папиросу за другой и молчали.

Ночью, когда мы достигли Ловати, выяснилось, что Костровы линию фронта не перешли. Что случилось?.. Неужели их схватили немцы?.. А может, братья подозревали, что за ними следят, и, стараясь запутать врага, колесили по лесу. Всё может быть....

Мои спутники посоветовались и решили идти навстречу разведчикам через линию фронта. Очевидно, у них были какие-то причины торопиться.

Мы выстрелили в воздух двумя зелёными и двумя красными ракетами и зашли в блиндаж отдохнуть. Партизаны должны были принять сигнал и ждать нас в условленном месте, на своей стороне.

Во второй половине ночи в кромешной тьме мы вошли в чёрную тяжёлую воду и тайно поплыли на противоположный берег. Разведчики гребли правыми, а в левых высоко поднятых руках держали свои маленькие чемоданы.

Ни один выстрел, ни одна ракета не помешали нашему передвижению. Мы вышли на берег и, не выжимая одежды, спешно тронулись в путь.

До рассвета оставалось ещё около двух часов, когда мы подошли к землянке, замаскированной кустами. Плотно прикрыли за собой дверь, зажгли огонь.

В тесной подземной комнатухе стояли два мальчика. Я повернулся к двери, решив, что партизаны остались наверху и сейчас войдут.

Один из разведчиков, усмехаясь, сказал:

— Знакомься. Костровы. Иван и Евгений. Местные уроженцы,

Ивану было лет четырнадцать. Трудная боевая жизнь наложила на его лицо отпечаток суровости и настороженности. Евгений, которому было года на три меньше, чем брату, наоборот, вёл себя весело и непринуждённо. Однако эта весёлость немедленно исчезла, как только мы заговорили о деле.

— Так вот, Иван, — сказал командир-разведчик старшему Кострову, — не забудь, какие сведения нас интересуют. Так и передай Ивану Лукичу. А теперь смотри сюда.

Разведчик открыл один из чемоданчиков и вынул из него голубя. Это был крупный почтарь красно-бурого цвета. Широкая сильная грудь, круглая голова на стройной подвижной шее, крупный клюв с белыми наростами — всё говорило о замечательных качествах птицы.

— Донесение — сюда, — сказал командир, притрагиваясь к алюминиевому патрончику на ноге голубя.

Потом приоткрыл второй чемодан и достал из него голубку такой же красно-бурой масти.

Вскоре все мы уже возвращались к Ловати. Надо было до рассвета переплыть реку и как можно скорее явиться в штаб.

Обратная переправа через Ловать прошла хуже: нас заметили. Мы почти уже выбрались на свой берег, когда с одного из патрулирующих «мессершмиттов» сбросили осветительную ракету. В тот же миг с западного берега полетели цветные трассирующие пули, и нам казалось, что каждая цветная линия нацелена прямо в нас.

В штаб пришли около одиннадцати часов утра, и нас сейчас же позвали в отдел разведки. Оба почтовых голубя, которых мы передали Ване и Жене, сидели в клетке. В донесениях, доставленных почтарями, сообщались важные сведения. Их очень ждал командующий армией.

Вскоре в район боёв приехал сотрудник одной из московских газет, мой старый товарищ Леонид Петрович Смирнов. Я рассказал ему о событиях последних дней. Леонид Петрович так заинтересовался Ваней и Женей, что решил сам повидаться с ними. Он попросил меня проводить его через линию фронта. Зайдя к разведчикам, мы получили чемоданчики с голубями и отправились в путь.

В знакомой землянке, к которой мы пришли, как и в прошлый раз, глубокой ночью, нас уже ждали Костровы. Женя и Ваня встретили меня как старого знакомого и сразу же стали выкладывать всякие новости. Прежде всего сообщили, что назвали голубей Чуком и Геком. Правда, голубка носила мужское имя Чук, но это было совершенно неважно, как вы сами можете догадаться.

Мы с Леонидом Петровичем на этот раз должны были пробраться в партизанский штаб Ивана Лукича и поэтому решили не терять времени. Вскоре мы уже двигались по мрачному ночному лесу, всеми силами стараясь не шуметь. Впереди шёл Ваня, в середине — мы, а замыкал нашу маленькую колонну Женя.

Ваня был удивительно умелый и опытный проводник. Трудно объяснить, как он находил проход в густой чаще и не терял направления в этом чёрном беспутье.

Иван Лукич сам встретил нас у входа в партизанский лагерь. Только обняв мальчиков и окинув быстрым взглядом наши чемоданчики, он протянул нам широкую ладонь и сказал, сильно окая:

— Доброе утро, товарищи! Милости прошу!

Мы попали сюда в тяжёлый час. Гитлеровцы, озлобленные неудачами на фронте и в тылу, решили во что бы то ни стало расправиться с партизанами. Для этого они соединили несколько тыловых гарнизонов, подкрепили их миномётами и артиллерийскими частями, придали танковую роту и несколько бомбардировщиков. Вся эта многотысячная «ударная группа» без умолку палила из всех видов оружия, пробегала вперёд десятков шагов и в сотый раз залегала под вековыми, гудящими на ветру соснами.

Для сообщений с внешним миром у партизан осталось лишь несколько лесных тропинок. Передвигаться по ним можно было, конечно, только во тьме. По одной из этих тропинок и провели нас Ваня и Женя минувшей ночью.

Петля вокруг отряда Ивана Лукича стягивалась всё туже и туже. Но и тени уныния нельзя было заметить в нашем лагере. Люди верили в победу, пусть далёкую и трудную.

Иван Лукич ввёл в дело десятки мелких, как их называли, «кинжальных», групп. Задача этих крошечных отрядов заключалась в том, чтобы наносить врагу внезапные, «кинжальные» удары и исчезать.

Бой длился уже около трёх дней. Наконец Ивана Лукича предупредили, что патронов и мин хватит ещё на сутки-двое. Дорога к складам боеприпасов была отрезана в начале сражения.

Ночью Иван Лукич вызвал к себе Ваню и Женю. Он погладил ребят по головам и сказал:

— Поведёте наших людей через болото к складам. Другого выхода нет. Приготовьтесь.

Этой же ночью около сорока партизан во главе с мальчиками-проводниками ушли через болото. Вернулись люди смертельно усталые, измазанные болотной ржавчиной и с пустыми руками. Ямы, где хранились патроны для винтовок и автоматов, были уничтожены гитлеровцами. В штабе мужественные и привыкшие к невзгодам люди нахмурились. Воевать против врага, на стороне которого огромный перевес в солдатах и технике, наши партизаны умели. Но драться без припасов — это даже им, разумеется, было не под силу.

И тут вспомнили о голубях.

Едва первые лучи солнца пробились через густые ветви леса, Иван Лукич вынул из чемоданчика Гека и, заложив шифровку в патрончик, выпустил голубя.

Через час Иван Лукич сказал начальнику штаба:
реклама

— Выпустите второго тоже. На случай, если первый не долетит.

Теперь оставалось только ждать. Надо было во что бы то ни стало выдержать натиск немцев. До шести часов вечера. В шесть придут наши самолёты и сбросят боеприпасы. Если этого не случится, немцы раздавят отряд. Ох, как утомительно тянулось время! Как медленно ползли минуты, еле-еле складываясь в небывало длинные часы. Люди стояли в окопах, лежали в блиндажах, курили, грызли сухари, но глаза партизан то и дело устремлялись на восток, на синее небо, откуда должно было прийти спасение. «Получили в армии записку или не получили? Придут самолёты или не придут?» — об этом думали сейчас все в маленьком партизанском отряде, зажатом в страшные клещи.

Несколько «кинжальных» групп, выполняя приказ Ивана Лукича, прошли болотами за спину немцев. Отвлекая врага от основных позиций отряда, партизаны дожигали последние крохи патронов и гранат.

Пять часов пятнадцать минут... Половина шестого... Без четверти шесть...

Иван Лукич сидел в штабной землянке возле миски с остывшим гороховым супом и, подперев кулаком небритую щёку, жадно курил махорку. Женя и Ваня примостились на поваленной сосне и молча чертили палочками по песку. Женя то и дело вздыхал, прислушиваясь к вечерним лесным звукам: нет, не слышно ничего такого, что бы напоминало пение авиационных моторов! Но вот Женя вздрогнул, в его глазах вспыхнули огоньки, и он расширенными глазами посмотрел на брата.

— Ты слышишь, Иван?

В вышине завывал самолёт. Звуки его моторов становились всё явственнее, вот-вот машина могла появиться над лагерем.

Иван, весь напряженный от ожидания, внезапно обмяк и зло сказал брату:

— Это немец, Женька.

Конечно же, это был немец! Моторы у наших самолётов поют ровно, протяжно, густо. А этот подвывал, как голодная кошка, — будто царапал небо своим воём. «Юнкерс-88» прошёл над лесом, осыпав окопы и землянки крупнокалиберными пулями, и снова вокруг стало тихо и сумрачно.

Стрелки на часах показывали семь с четвертью.

— Значит, не придут! — сказал Иван Лукич начальнику штаба, и брови у обоих командиров сошлись к переносицам. — Пусть все займут окопы, больные и раненые тоже.

И вдруг случилось что-то непонятное. Совсем неожиданно, будто вывалившись из облаков, над лагерем промчались два краснозвёздных бомбардировщика. Промчались, как буря, две могучие машины вдаль и стали разворачиваться. Ещё не веря в удачу, в счастье, в спасение, партизаны кинулись на поляну, где был выложен условный знак для машин.

Немцы подняли отчаянную трескотню. Но самолёты сбросили боеприпасы и легли на обратный курс. Вдобавок они ещё швырнули около десятка бомб на голову врага.

— Всё-таки наши пришли! — торжествуя сказал Женя и, встретившись с ласковым взглядом Ивана Лукича, добавил: — Я знал, что они придут. Я же вам говорил, Иван Лукич!

В одном из ящичков, сброшенных вместе с другим грузом на парашюте, оказался Гек. На его ножке белела записка. Командование армии коротко сообщало, почему раньше не могло при-

слать самолёты: транспортные машины перевозили раненых в тыл, а боевые ушли на бомбёжку. В записке, очевидно на всякий случай, сообщалось, что голубка не прилетела.

Женя очень волновался из-за этого. Он то и дело подходил ко мне и спрашивал:

— Товарищ старший политрук, а товарищ старший политрук! А она не с яйцом была? — И сам пояснял: — Когда голубка с яйцом, то плохо летит. Может даже сесть где-нибудь. — Потом снова подходил, садился подле меня и вздыхал: — А может, она большая чем?

Он расстроено моргал, и его большие яркие глаза блестели, как синие стёклышки.

С боеприпасами воевать было можно! Партизаны с весёлым злорадством выматывали все жилы из врага. Вынужденные всю последнюю неделю экономить патроны, они теперь не жалели «огонька» и в темноте сваливались на врага, как сокола на ворон.

На восьмой день противник снял осаду, и посланные вслед за ним партизаны сообщили, что немцы форсированным маршем ушли к Ловати, на линию фронта.

Иван Лукич приказал немедленно выпустить Гека с донесением.

В штабе 11-й армии, куда мы добрались с Леонидом Петровичем через несколько дней, нам объяснили, почему немцы оставили в покое партизан: наши части взяли в клещи врага на Старорусском направлении, и гитлеровское командование перебрасывало силы для выручки своих частей.

Примерно через неделю мне позвонил начальник разведки и попросил зайти к нему.

— Это может тебя интересовать, — сказал он мне, кивком предлагая сесть. — Сейчас допрашивали «языка». Он из той группы, что воевала против Ивана Лукича. Про Чука кое-что есть. Кажется, не врёт.

Немец, которого повторно вызвали на допрос, дрожал как осиновый лист и готов был рассказать всё, что угодно. Смысл его рассказа можно

передать в нескольких словах. Немцы заметили Гека, летевшего со стороны партизан, но поздно: голубь успел проскользнуть. Когда же через час появился Чук, то был открыт такой сумасшедший огонь, что листья, по уверениям рассказчика, стали осыпаться с деревьев. Шальная пуля — наверно, разрывная — попала в Чука, и голубку разнесло на куски. Гитлеровцы пытались найти ножку, чтобы прочесть записку, но ничего не отыскали.

— Я нет стрелял, — со страхом произнёс немец, заметив, как мрачно заблестели глаза у командиров разведки.

— ...Вот и всё, ребята, — закончил я. — Можно добавить, что Ваня и Женя уцелели на войне, что Гек очень грустил о голубке, а к партизанам его больше не посылали: им сбросили с самолётов надёжные и удобные рации...

Несколько секунд в комнате царил тишина. Потом Пашка Ким провёл ладонью по лицу, будто отгонял от глаз что-то мешавшее ему видеть комнату, и напомнил:

— Вы ещё обещали показать фотографии.

Я достал из стола снимки. На одном из них были изображены Ваня и Женя, беседующие с командиром разведки, на другом — Чук и Гек на крыше штабного домика в деревне.

— Ну вот, — толкнул один мальчуган другого, когда все нагляделись на фотографии, — а ты говорил: голуби — так себе, баловство.

— Это не я, — передёрнул плечами малыш, — это мама. А я всегда... я всегда... говорил не так.